

**ГОФМАН А.Б. СЕМЬ ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ. МОСКВА:
МАРТИС, 1995. 203 С.**

В предисловии к книге А.Б.Гофман, предусмотрительно вступая в воображаемый диалог с будущими рецензентами, замечает, что "существенный недостаток" его работы "состоит в отсутствии более или менее полного охвата историко-социологического материала" (с. 3). Замечание, на мой взгляд, излишнее, поскольку даже самому требовательному читателю и самому придирчивому рецензенту понятно, что в рамках семи лекций полный охват обозначенной темы невозможен, Гораздо важнее другое: какие задачи ставил перед собой автор, какими методами их решал (и решил ли?) и, наконец, почему из всего "сонмища" отцов-основателей социологии выбрал именно тех, а не иных "персонажей"? По словам Гофмана, он "стремится рассматривать историю социологии как процесс становления, развития и реализации определенных признаков, образующих специфическую область знания. Анализ этих признаков — онтологических, эпистемологических, этических и институционально-организационных — позволяет надеяться, что речь в данном случае идет об истории именно социологии..." По мнению автора, используя его подход, можно в дальнейшем рассмотреть и другие этапы, присоединяя новые главы истории социологии к уже написанным, "подобно тому, как в детском конструкторе присоединяются новые детали, с той лишь разницей, что детали эти еще предстоит изготовить" (с. 3).

Прежде чем ответить на вопрос, "что такое история социологии?", Гофман пытается сформулировать собственное понимание социологии. Согласно "онтологическому критерию", это "некоторая сфера знания", содержащая "высказывания о социальной реальности" (с. 6), согласно "эпистемологическому" — не просто знание, а научное знание об обществе" (с. 7), воплощенное в определенных системах понятий, согласно "этическому" — "установка на познание как таковое, где оно выступает как высшая ценность" (с. 11). Наконец, "институционально-организационные критерии" подразумевают разнообразные формы институционализации и организации социологической деятельности (с. 12).

С моей точки зрения, ни один из названных критериев не выдерживает строгой критики. Определение социологии как "науки об обществе" тавтологично, поскольку при таком понимании само общество трактуется как то, что изучается социологией. "Научность" — особенно в социологии — проблема не просто темная, а темнейшая, бездна, в которую страшно даже заглянуть (недаром у С.Булгакова еще в начале века само слово "научность" вызвало такое нескрываемое и почти злобное раздражение). Определение научности, которое предлагает Гофман, имеет по сути дела конвенциональный характер, и другого, по крайней мере, в рамках истории социологии, дать, по-видимому, невозможно. Еще более расплывчат "этический критерий". Социология, по утверждению Гофмана, "это, прежде всего, честный и бескорыстный поиск научной истины" (с. 12). Но разве были в истории социологии (да и вообще науки) ученые, которые бы признались, что они не честно и не бескорыстно ищут истину? Под этим критерием подпишется каждый, потому что — на счастье или на беду — абсолютных критериев честности и бескорыстия не существует. Что касается институциональных критериев, то это, строго говоря, вовсе не критерии, а "признаки", причем не всегда правильные. Их недееспособность особенно очевидна в наше время, когда существуют сообщества шаманов и колдунов, издающие собственные журналы, открывающие "школы" и "академии" и даже присваивающие своим членам "ученые звания". Правда, на это можно возразить, что "шаманские академии", будучи явлениями социальной мимикрии, косвенно доказывают высокий престиж науки в современном обществе. Наверное, так оно и есть, но расширяет ли это наше понимание научности?

Из всех подобных затруднений помогает выйти категория "парадигма", которую обоснованно и корректно вводит автор. Действительно, если нет абсолютного критерия научности и строгого определения социологии, но есть предметное поле, которое можно условно назвать "наукой" и "социологией", то должны быть некие ориентиры, позволяющие более или менее верно судить об этом поле. Другими словами, мы не всегда точно знаем, что такое социология, но вполне уверенно можем сказать, что ею не является. Как считает автор, "парадигмы дают возможность отбирать наиболее существенные, "парадигмальные" имена, понятия, принципы, теории, школы, направления, методы и т.п., оставившие глубокий след в развитии науки" (с. 13).

На мой взгляд, подход к истории социологии Гофмана являет собой подобную "парадигму". Социология не рождается на пример Афины Паллады из головы Зевса в готовом виде и полном боевом снаряжении — она становится и до сих пор еще отчасти пребывает в процессе становления. Условно ее историю можно изобразить в виде схемы: Знание (прошлое) —> Наука (настоящее) —> Истина (будущее).

Вторая лекция посвящена "интеллектуальным истокам" социологии. Это одна из центральных глав книги, поэтому каждый заинтересованный читатель должен проработать ее особенно тщательно.

"Социология родилась из соединения идеи общества с идеей науки об обществе" (с. 35), — к такому выводу приходит автор, опираясь на обширный материал из "предыстории социологии" (от Аристотеля до Сен-Симона). А поскольку становление социологии происходило в определенную историческую эпоху, и идея общества "развивалась вместе с идеей его неправильного устройства" (с. 32), деятельность Сен-Симона (которого Гофман с полным основанием считает одним из отцов социологии или, по крайней мере, одним из самых значительных "предтеч") "положила начало одновременно двух форм мировоззрения: социалистической и социологической" (с. 33). Отсюда уже отчетливо просматриваются два направления дальнейшего развития социологии. Одно (О.Конт, К.Маркс) будет стремиться превратить "утопию в науку", другое (Г.Спенсер, Э.Дюркгейм) — освободить социологию от родимых пятен утопического мышления. Оба направления познают и победы, и поражения, пока, наконец, социология не обретет "твердый" (пишу в кавычках, потому что, разумеется, более или менее твердый) статус науки.

Лекции, посвященные "персоналиям", построены по единому принципу. Сначала автор кратко излагает этапы жизни и деятельности своего "героя", потом весьма обстоятельно анализирует его социологические взгляды (уделяя особое внимание сформулированным в первой лекции критериям), после чего следует заключение-резюме, где дается общая оценка мыслителя.

"По единому принципу" — вовсе не означает стандартно. Напротив, специфику и новаторство (или же заблуждение) каждого из персонажей Гофман подчеркивает необычайно выпукло. Правда, значение О.Конта; в истории социологии, на мой взгляд, несколько преувеличено, более того, так и не ясно, в чем он преуспел: в становлении социологии или же в ее дискредитации.

Зато лекция четвертая: "Социология Карла Маркса" — несомненная удача автора. Он, конечно, весьма далек от апологетики нашего недавнего "властителя дум", но вместе с тем не позволяет себе по отношению к нему ни малейшего нигилизма, справедливо отмечая: учение Маркса "было многозначным, противоречивым и незавершенным" (с. 122). Особый интерес представляет сравнительный анализ подходов Конта и Маркса к социальному развитию. "С Маркса, — утверждает Гофман, — начинается традиция исследования позитивных функций социального конфликта в социологии", хотя в силу его политических пристрастий "пролетариат, устанавливающий свою диктатуру, выступает уже не в роли "могильщика", а в роли "убийцы" господствующих классов (с. 123).

Пожалуй, единственный недостаток этой главы — отсутствие ссылок на русских марксмологов (С.Н.Булгакова, П.И.Новгородцева), которые еще в начале века выступили с такими же оценками (хотя и с других научных позиций) теоретического наследия Маркса.

Биологический редукционизм (пятая и шестая лекции) проанализирован на примере двух школ: социал-дарвинистской и расово-антропологической. Здесь показано, как "незрелое научное знание превращается в псевдонаучное" (с. 142). Обе школы автор в целом оценивает отрицательно (за исключением Спенсера, благодаря которому термин "социология" был "реабилитирован" и получил второе рождение" — с. 132). "Попадая в сферу массового сознания и практической политики, вульгаризованные социал-дарвинистские идеи нередко служили обоснованием аморализма и беззакония..." (с. 139). Идеологические функции расово-антропологической школы еще хуже: они состояли и состоят в обосновании необходимости привилегий для определенных социальных групп и слоев, в переключении социальных напряжений и конфликтов на этнические и расовые, а также в обосновании экспансионистской внешней политики (с. 155).

Наиболее обстоятельно проанализированы идеи основателя расово-антропологической школы А. де Гобино. Что касается Х.Ст.Чемберлена (который почему-то назван Хаустом, хотя по сложившейся в России традиции его принято именовать Хьюстоном), то ему уделено лишь полстраницы. Конечно, с научной точки зрения такая

иерархия вполне оправдана, но автору следовало бы учесть, что идеи Гобино в России были совсем не популярны, тогда как "примитивные" концепции Чемберлена получили весьма широкое распространение и оживают вновь, по-прежнему продолжая отравлять массовое сознание. Совсем недавно, например, репринтно переиздана его книга "Арийское мировоззрение", которую книготорговцы рекомендуют как высшее откровение новейшей науки (брошюра разошлась, надо признать, моментально).

Автор заканчивает пятую лекцию словами: "Для истории социологии расово-антропологическая школа — это не столько источник серьезных идей, сколько интересный и поучительный объект изучения, позволяющий лучше понять механизмы рационализации расовых, этнических и классовых предрассудков" (с. 156). К сожалению, приходится констатировать, что сегодня этот "объект изучения" переместился в нашу страну.

Гофман — один из крупнейших в России знатоков социологии Дюркгейма и в шестой лекции, посвященной французскому социологу, пожалуй, ничего не прибавил к ранее написанному. Отметим лишь, что в своем отношении к Э. Дюркгейму автор стал мудрее...

Заслуживает самых высоких похвал обращение к В. Парето — ведь этого мыслителя по настоящему не знает никто. Тем не менее, образ этот пока далек от завершения. Надо надеяться, что в последующих лекциях автору удастся более обстоятельно проанализировать такую, в частности, тему, как "Парето и фашизм", о которой здесь говорится лишь то, что она "чрезвычайно поучительна".

В заключении хотелось бы отметить главное. Гофман владеет редким даром — органическим сочетанием "научности" и "популярности", поэтому даже спорные его утверждения читать интересно. И последнее. Мне кажется, "надстроить" эту книгу на манер "детского конструктора" вряд ли удастся. Написанные главы, скорее всего, придется перестраивать. Но это дело будущего.

В.В.САПОВ